

te
T
e
T
e
K
x
T
e
C
T

ПЕРВЫЙ РАЗ

Первый раз, всегда бывает первый раз. 1964 год, старый, дребезжащий поезд из коммунистической Югославии, пункт назначения — Венеция. Рядом со мной молодая женщина, американка. По нам обоим заметно, что путешествие сюда было долгим. Все в новинку. Мы принимаем город таким, каким он предстает перед нами. Не питаем никаких надежд, кроме тех, что связаны с его именем, и в итоге дело идет на лад. В загадочной ткани памяти сохраняется все. Поезд, город, имя молодой женщины. Мы потеряем друг друга из виду, проживем разные жизни, много позже на другом конце мира встретимся снова, расскажем друг другу, как жили. Пятьдесят с лишним лет спустя тот первый день 1964 года попадет в рассказ под названием «Гондолы». Город и все, что уже успело исчезнуть, возникнут вокруг этого рассказа.

В 1982-м — другой город, другой поезд. Приятельница отвезла меня на вокзал Виктория, в Лондоне. Я поеду в Венецию на Восточном экспрессе.

Но поезда нет. Где-то случилась поломка, мы не едем под проливом, а летим на самолете. Через два дня поезд все же отходит из Парижа, ночью. Я помню ночные станции, голоса в темноте, обычный ритм железной дороги, незримых барабанщиков, что обретаются где-то под ваго-

нами, громкоговорители, объявляющие что-то на чужих языках.

Я узнал людей, которые в Лондоне стояли вместе со мной на пустом перроне, но среди них нет ни шпионов, ни великой любви, никого для романа. Заметкам из этого путешествия нашлось место в другой книге, так что мне больше нет нужды носить их с собой. Лампу под розовым абажуром из роскошного поезда, не попавшую в ту книгу, я припрятал еще много лет назад, вкупе с публичкой в вечерних туалетах, разложенными меню, французским языком официантов и их форменной одеждой, припрятал точно так же, как и голубой мундир человека, который верховодил в нашем купе, а теперь бродит в подвалах воспоминаний. Вот и его я больше хранить не могу, жизнь, конечно, все та же, но меня ждут другие дела, я на пути к повторному первому разу. Теперь я не стану ни с кем делить водный город. Мое нынешнее тогда — 1982 год, настоящее время моих ощущений заключено в постоянное повторение, отныне я буду приезжать сюда и возвращаться, этот город будет притягивать меня и отталкивать, и адреса у меня все время будут разные, снова и снова я буду писать о нем и читать, этот город станет частью моей жизни, тогда как мне частью его жизни не бывать никогда, я буду пылинкой странствовать сквозь его историю, он поглотит меня, как всегда поглощал всех обожателей и поклонников, что в ходе столетий лежали у его ног и будто сами незаметно стали мрамором, частью воздуха, воды на тротуаре, чем-то, на что наступаешь, устремив взгляд на неперестающее великолепие дворцов и церквей и на миг сделавшись участником повествования о льве, городе и воде.

ЗАМЕДЛЕННОЕ ПРИБЫТИЕ

Тогда, в те минуты, Паданская низменность залита туманом. Читать не хочется, и я смотрю на передвижные картины снаружи — на какую-то неправильную пальму, на догола обстриженное апельсиновое дерево, где смутно угадываются плоды, будто упрек, но упрек кому? Плакучие ивы вдоль грязной бурой реки, подстриженные кипарисы, кладбище с громадными склепами, будто там обитают хвастливые покойники, бельевая веревка с розовыми простынями, перевернутое судно с прогнившим килем, а затем я еду над водой, над белесой, гладкой, мгlistой поверхностью лагуны. Прижимаюсь лбом к холодному стеклу и серым намеком вижу вдали что-то, что должно быть городом, но пока различимо лишь как некое сгущение ничто, — вижу Венецию.

В здании вокзала поезд уже отделился от меня, коричневый, лакированный, он остается позади, у осеннего перрона, я опять стал заурядным пассажиром, приезжим из Вероны, человеком, который с чемоданом в руке спешит к пароходо-вапоретто. «Над темными каналами поднимались своды высоких мостов и стоял густой запах сырости, мха и зеленого тлена, атмосфера таинственного прошлого давно минувших столетий, прошлого интриг и преступлений; темные фигуры крались по мостам, по на-

бережным, закутанные в плащи, в масках; двое *bravi*^{*}, кажется, намеревались спустить с балкона труп белой женщины... спустить в безмолвную воду!.. Но то были всего лишь призраки, всего лишь порождения нашей собственной фантазии...»

Это не я, это Куперус. И напротив меня не призрак, а монахиня. У нее белое лицо, длинное и узкое, она читает книгу по *educazione linguistica*^{**}. Вода исчерна-серая, маслянистая, солнце в ней не сверкает. Мы плывем вдоль бесстрастных каменных стен, изъеденных, обросших мхом и плесенью. И передо мною тоже крадутся по мостам темные фигуры. На воде знобко, сырой, пронизывающий холод наползает с моря. Я вижу, как в одном палаццо зажигают в канделябре две свечи. Остальные окна закрыты облезлыми ставнями, а сейчас закроют и последнее — женщина подходит к нему и совершает неумолимое движение: широко раскинутыми руками берется за ставни, ее фигура — темный силуэт на фоне тусклого света, тающий в незримости. Моя гостиница расположена прямо за площадью Сан-Марко, из окна на втором этаже я вижу нескольких гондольеров, которые в такую поздноту еще ждут туристов, черные гондолы чуть покачиваются на мертвенного цвета воде. Я ищу то место на площади, откуда впервые увидел Кампанилу и Сан-Марко. Много времени утекло, но этот миг остается незабываем. Солнце бросает блики на площадь, отражаясь от женственных округлостей несчетных арочных порталов и куполов, мир повернулся на девяносто градусов, и у меня закружилась голова. Здесь люди совершили невозможное — на нескольких болотистых клочках земли создали противоядие, волшеб-

* Наемные убийцы (*ит.*).

** Языковое воспитание (*ит.*).

ное снадобье от всего на свете уродства. Сотни раз я видел фотографии и все равно оказался не подготовлен, потому что передо мною было совершенство. Ощущение счастья не исчезло, и я помню, что ступил на площадь будто вопреки запрету, шагнул из узких темных улочек на большой, открытый прямоугольник, полный солнца, а в одном его конце высилась эта штука, это невероятное творение из камня. Впоследствии я довольно часто бывал в Венеции, и, хотя мгновенный шок первого раза не повторялся, по-прежнему остается смесь восторга и смятения, и сейчас тоже, с нынешними туманами и деревянными настилами. Интересно, сколько весят все глаза, когда-либо видевшие эту площадь?

Я иду вдоль Рива-дельи-Скьявони. Если сверну налево, непременно заплутаю в лабиринте, но налево я не пойду, продолжу путь по уже полускрытой границе меж суши и водой, до памятника партизанам, огромной поверженной фигуры мертвой женщины, о которую плещет мелкая зыбь бухточки Бачино-ди-Сан-Марко. Монумент жесток и печален. Темнота окутывает большое, угрюмое тело, которое словно чуть покачивается, волны и туман обманывают меня, кажется, будто от движения воды волосы женщины расходятся веером, будто война идет сейчас, а не тогда. Все дело в том, что она будоражит нашу память, эта большая, слишком большая женщина, убитая, застреленная, лежит в море и будет лежать, пока, как и все памятники, не превратится из горького напоминания о вот этой войне и о вот этом сопротивлении в символ того, что война и сопротивление существуют всегда. И все же с какой легкостью война утрачивает свою кровопролитность, стоит ей только отойти достаточно далеко в прошлое. В книге, которая у меня с собой, «The Imperial

